

Оле- СИТНИКОВ

КИБЕРСАМУРАЙ

ВЛАДИМИР БАЖИН

фото: Михаила ГРУШИНА

Когда я готовился к интервью с рок-музыкантом и известным радиоведущим, являющимся ныне Генеральным продюсером радиостанции Хит-FM Владимиром БАЖИНЫМ, то обратил внимание, что при упоминании его имени выражения лиц совершенно разных по ментальности, положению и возрасту людей становились одинаковым. Появлялась добрая улыбка, и измученные борьбой за жизнь и деньги лица соотечественников приобретали оттенок оптимизма и позитива. Столь оригинальных и запоминающихся людей больше нет. На ум приходит, пожалуй, лишь Петр МАМОНОВ. Избрав буффонаду и стёб средством самовыражения, Владимир пронёс их сквозь абсолютно разные по стилистике группы, а затем и в радиоэфир. Пройти вместе с ним от старта до нынешних времён мы и попытались тёплым майским вечером, спустя два месяца после выхода его нового альбома «Фантом».

MUSIC BOX: Владимир, с чего началась Ваша карьера?

ВЛАДИМИР БАЖИН: Каждый раз, когда меня спрашивают «с чего я начинал», отвечаю одно. В 5-м классе услышал THE BEATLES. И не только их. Крыша моментально поехала, и меня потянуло в этот мир. Было время глухого застоя, и «железный занавес» не помогал доставать вожаемые записи. Было трудно, но тем не менее многое просачивалось. Среди этого многого помимо THE BEATLES были и THE ROLLING STONES, и T-REX, и THE MONKEES... А позднее я познакомился с DEEP PURPLE, URIAH HEEP, BLACK SABBATH, GRAND FUNK RAILROAD и, конечно, LED ZEPPELIN. Как будущий певец в тот период я был сражён вокальной манерой Яна Гиллана и Дэвида Байрона (David Byron). Затем наступил неизбежный период школьных групп и выступлений на танцах. Мы пели песни вышеуказанных коллективов, но уже тогда я чувствовал, что хочется большего. Позже, в армии, как человеку авторитетному командиры поручили мне создать музыкальный коллектив: «Даём задание – к майским праздникам сделать большое шоу с театральной постановкой и выступлением ансамбля». Мы с сослуживцами-москвичами уже давно знали друг друга, и я быстро организовал и то и другое. Генералам страшно понравилось, и они нас запустили в тур по воинским частям Закавказского военного округа.

МВ: Не оттуда ли корни буффонады, проявившейся позднее в Вашем творчестве?

ВБ: Думаю, что нет. Ведь в театральной труппе я не участвовал, а был руководителем всего проекта. Я выходил на сцену во второй части – с ансамблем, в котором играл на гитаре и пел. В основном это был репертуар ВЕСЁЛЫХ РЕБЯТ и ПОЮЩИХ ГИТАР. Но мне удалось довольно забавным путём воткнуть туда и пару англоязычных композиций из сольного альбома Ринго Старра. Одна из них называлась «On-my-mu». А так как наступили майские праздники, в ответ на замечание начальства по поводу непатриотичности английского языка я сказал: «Это английский пролетариат поёт о майских праздниках – Международном дне трудящихся». В общем, таким образом надул я начальство, и нам удалось прогнать пару роковых вещей, что не могло нас не радовать. (Смеётся.)

МВ: Что было после армии?

ВБ: После службы мы с ребятами из армейского ансамбля долго искали место для репетиций, и наконец нашли какое-то ДК, где нам удалось стать сопровождающим ансамблем для десятка девушек, объединённых названием МЕЛОДИЯ. Так назывался их самодеятельный ансамбль, и мы пели такие хиты, как «Я, ты, он, она – вместе целая страна» и тому подобную советскую эстраду. Приграв таким образом полгода, мы разошлись. Ну а потом я долго находился в поиске коллектива, где мог бы показать своё вокальное мастерство. Приходил на прослушивание и пел, например, «July Morning» URIAH HEEP, а мне говорили: «Хватит орать. Надо петь». Но петь в манере ПОЮЩИХ ГИТАР и ВЕСЁЛЫХ РЕБЯТ не хотелось. И в этот период вынужденного простоя я занялся самообразованием. Помогли в этом друзья из консерватории, а позднее я поступил в музыкальную школу по классу гитары и на дирижёрский факультет при консерватории, который, правда, скоро бросил. Изучал все стили, включая симфоническую музыку, и уже не думал, что буду когда-нибудь снова играть ROCK. Мне было уже 27 лет, а в это время многие заканчивают свою карьеру. (Смеётся.) Я коротко подстригся и устроился работать лаборантом в институт. Но неожиданно мне позвонил коллега из нашего армейского ансамбля. Сообщил, что моей личностью очень интересуется один персонаж из роковой тусовки. Ему уже рассказали, что я пою, как Ян Гиллан. (Смеётся.)

МВ: В каком году это было?

ВБ: В 82-м. И в соответствии со временем мы начали с исполнения советских песен в духе Юрия Антонова. Ну а потом парень,

который привёл меня в группу, ушёл и оставил мне в наследство этих ребят, которые и стали группой НЮАНС. Состав был дополнен братом барабанщика Пашей Титовцом. Ему было тогда только 15 лет. Паша Титовец – очень талантливый человек. Он с каждым месяцем играл всё лучше, много работал над техникой. Ходил на концерты и в бинокль разглядывал аппликатуру гитаристов на сцене, постоянно репетировал и в итоге рос не по дням а по часам. А я со своей стороны поставлял ему новые записи. YES, GENESIS, Питера Гэбриэла, Фила Коллинза (Phil Collins), KING CRIMSON, VAN DER GRAAF GENERATOR...

МВ: А репертуар?

ВБ: Я решил, что будем играть только свои песни. Мы продолжили упражняться в игре на инструментах и записали первый альбом «Комета Галлея». И тогда же я придумал название. НЮАНС – вроде как «новый ансамбль» – игра слов, как у THE BEATLES. Ну а когда они от меня ушли, то мягкий знак убрали.

МВ: А как Вы расстались с НЮАНСОМ?

ВБ: Расстались нормально. Я даже оставил им название, когда они попросили об этом.

МВ: И потом...

ВБ: А потом, в 86-м году, я ушёл и сделал ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ – с двумя музыкантами из НЮАНСА и двумя из ЧЁРНОГО КОФЕ.

МВ: Сколько пластинок Вы записали с ТЯЖЁЛЫМ ДНЁМ?

ВБ: Всего у ТЯЖЁЛОГО ДНЯ три диска – два с моим участием («В Полёт» и «Тяжёлый День») и последний без меня («В краю дураков»).

Половина песен на них написаны мной. Вторая пластинка, кстати, была наполовину англоязычной. Тогда как раз открылся «железный занавес», и нам предложили записать те композиции, которые мы считали хитами, на английском языке. Из восьми песен 1-го альбома отобрать хиты очень просто. (Смеётся.) Мы просто взяли четыре хита, перевели на английский язык и записали. На вторую сторону винила записали новые песни: «Огонь», «Бегство из невезения» и «Стая».

С англоязычными песнями, кстати, связан забавный эпизод. Когда приехали в Америку, я включил нашу англоязычную запись американцу. Ему очень понравился мой вокал. Ну, я возьми да и спроси его, понимает ли он, о чём я пою. (Его, кстати, звали Пол Саймон (Paul Simon) – однофамилец звезды.) «А на каком языке вы поёте?» – спросил он. «На английском», – ответил я. «Дааааа...??? А я был уверен, что на немецком...» Вот так. А ведь перед записью моё произношение ставила преподавательница Института иностранных языков. (Смеётся.)

МВ: А как Вы оказались в ГЕЙНЕ?

ВБ: Однажды мы с ТЯЖЁЛЫМ ДНЁМ выступали в Будапеште. Мы жили в соседних номерах с группой ШАХ, а у них менеджером была жена Валерия Гаины Ольга Чайко. Я подошёл к ней и попросил передать Валерию кассетку с записью ТЯЖЁЛОГО ДНЯ. Через полгода Ольга мне перезвонила и сказала, что Валера приглаша-

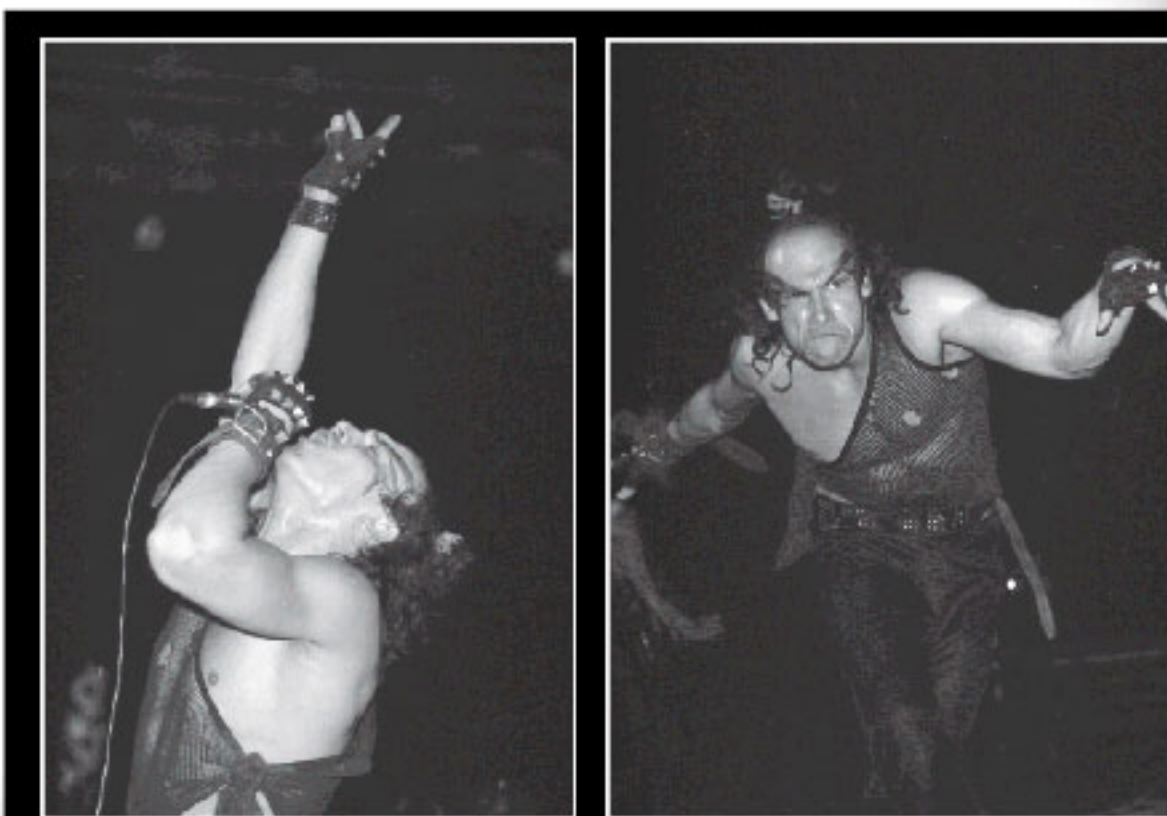

фото: Михаила ГРУШИНА

ет меня в свой проект, который он готовит для Америки. Мы засели в студии в Сокольниках, где ночами записали материал для отправки в США. Американский гражданин, взявшийся его издать, видимо, «выпал из темы» и не понимал, что ситуация в мире уже изменилась. Перестройка и мода на неё закончились. На дворе стоял 1990-й год, а он думал, что на перестройке нагреет руки. (Смеется.) Если бы это было хотя бы двумя годами раньше, то всё было бы возможно. Но мы опоздали. Уже по прибытии в США Гаина понял, что вся эта затея является чепухой, и по окончании записи остался там. Ну а мы с барабанщиком Андреем Шатуновским вернулись в Москву. Так я остался без группы. ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ в те времена постоянно менял вокалистов. Когда я уходил из команды, то советовал не искать копию меня и не заставлять вокалистов косить под мою манеру пения. Но по многим причинам возвращаться в эту группу я не собирался.

МВ: Как же произошла Ваша судьбоносная встреча с радиоэфиром?

ВБ: Меня позвал Михаил Борзин. Он работал на радиостанции Юность в передаче «Полевая почта». И вот ему пришла идея давать уроки музыки прямо в эфире, пригласив известного гитариста. Миша обратился к Гаине как к наиболее выдающемуся тогда гитаристу и известному раскрученному персонажу. Миша пригласил его сначала для интервью, и Валера сказал: «Обучать игре на гитаре по радио – полный бред. Ведь надо смотреть аппликатуру, смотреть на руки». В итоге они решили делать программу о роке. Без гитарной школы. А поскольку я с Гаиной в то время готовил альбом «Gain», то ходил с ним на радиостанцию и помогал выстраивать речь. Редактировал. Так мы сделали 4 программы и уехали в США. По приезду позвонил Миша, поинтересовался Валерой. «Валера там остался, и навсегда. Так что ты его не хди...» – ответил я. Тогда Миша и предложил делать программу вместе. Ведь в рок-музыке он понимал мало.

МВ: И понеслось...

ВБ: Да. Хорошие были времена. И коллектив был отличный. А формат передачи я сразу изменил. В искусстве главное что?

Контраст! И я распределил роли: сам стал «злым и brutальным металлистом», а Мишу сделал – «госпсовиком». После первой программы я стал первым человеком, который «заорал» на радио. Помню, как ныне покойный старожил Юности Максим Косургашев поздравил меня с боевым крещением. «Ну, ты, – говорит, – хулиган. Я ничего в роке не понимаю, но программа понравилась!» И началось... Письма приходили мешками.

МВ: Тогда же Вы прорвались и на ТВ?

ВБ: В тот период Михаил работал корреспондентом у Ивана Демидова в Музобозе. А у телекомпании ВИД на первом канале образовался пробел в эфире, который они хотели заполнить передачей о музыке. Михаил обратился ко мне за советом, и я предложил взять целиком программу, которую мы делали на Юности, но в видеоварианте. Только название ей мы дали другое – «Хит-конвейер». В работе мне помог предыдущий опыт режиссуры. Мы делали то, что было тогда в новинку, и, по сути, всё это было предтечей ОСП-студии. Роли, переодевания, шутки на грани, стёб. И опять после первой же программы – море писем. Так мы сделали 7 программ, которые на волне популярности ТВ прокрутило потом ещё три раза.

МВ: Вам не кажется, что радио более элитно по отношению к телевидению?

ВБ: Отчасти согласен с этим мнением. Общеизвестно, что радио – тайна. Люди слышат голос, не видя говорящего. И так устроен мозг: каждый в силу своей ментальности по-разному представляет образ или образы, стоящие за этими голосами. Театральные постановки на радио – ярчайший этому пример.

МВ: Как шла Ваша жизнь дальше?

ВБ: Какое-то время моя работа мне очень сильно нравилась. Я жил этим. Работал 24 часа в сутки без отпусков. Я дошёл до такого состояния, когда музыку не мог слушать даже для удовольствия. Только для работы: вступление, припев, соло. Чтобы сразу определить: пойдёт она в эфир или нет. Информации для передачи брали из журналов. Интернета тогда, как известно, не было.

Помогали Алексей Сидоров и Александр Трофимов. Доставали журналы, переводили... А я читал и «пнал» всё это в эфир. Через какое-то время всё же взял творческий отпуск, отдохнул, после отдыха работал опять. Но потом всё равно ушёл на Хит-FM. Это была новая ступень для меня. Более высокая. Время «Рок-Наряда» и «Марш-Броска», которым я отдал 7 лет, жизни закончилось.

МВ: И так незаметно мы подошли к Вашему первому сольному альбому. Как накопился материал к «Крути Педали»? Что Вас подвигло реализоваться в музыке, которую поклонники «Рок-Наряда» и ТЯЖЁЛОГО ДНЯ от Вас вряд ли ждали.

ВБ: В 95-м году, когда я работал на Юности, мне поручили делать программу «Дисотека». И я столкнулся с тем, что западной танцевальной музыки много, а отечественной мало. И в процессе поиска понял, что даже та, которая есть, в большинстве случаев не позитивна, а наполнена слезами и нытьем. Я понял, что надо что-то делать, например, внести свою лепту, записав весёлый альбом кавер-версий. Так, например, я исполнил блатную-народную-хороводную песню «Моль - это маленький букашка». «Барон Фон Дер Пшик», «У Самовара» и «Всё хорошо, прекрасная маркиза!» – песни Утёсова. «Велосипедисты» – стилизация под Утёсова. «Анапа», «Что-то случилось», «Сомнений нет», «Я тебя люблю» – моего собственного сочинения. Некоторые из них были ещё на 1-м альбоме НЮАНСА.

МВ: Кто принимал участие в записи альбома?

ВБ: Мне помог мой старый товарищ, времён НЮАНСА, а ныне клавишник РОНДО, Святослав Куликов. Я часто бывал у него в студии в процессе подготовки передач для Юности. Также он помогал с аранжировкой некоторых моих музыкальных экспериментов. Приняли участие и сессионщики – саксофонист, аккордионист и даже банджист. Немоляев спел со мной дуэтом в трее «Барон Фон Дер Пшик». Впрочем, альбом не получил достаточной раскрутки от Polygram-records и в итоге я издал его как бы «для себя».

МВ: Почему всё же был такой огромный разрыв между «Педалями» и новым альбомом? И почему именно сейчас, почти через 12 лет, был выпущен новый? Не хватка времени или...

ВБ: Пауза объясняется просто. Я сменил своё амплуа рок-певца на амплуа радиодиджея и ведущего телепрограмм. Было много работы, много учёбы, много новой информации, было интересно и были паузы (штиль и бури) на личном фронте. Острого желания записать альбом не было, хотя время от времени я брал в руки гитару и баловался сочинением различных песенок – для собственного удовольствия, без каких-либо дальнейших планов. Потом планы появились, во мне снова проснулся рок-сингер и стал отодвигать мощными плечами и локтями диджея. Я даже вновь собрал ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ. Ну а потом получилось так, что вмешались «обстоятельства», и я решил сделать сольный альбом.

МВ: Вы рассчитывали что оба альбома «пойдут»?

ВБ: Сейчас очень наивно рассчитывать, что какой-либо альбом «пойдёт» просто так. Вот в Билана вложили 7 миллионов. И он «пошёл». А в меня, например, ничего. Когда тебя не крутят ни по радио, ни по ТВ и не пиарят настойчиво в интернете, – тебя нет. Ты вроде есть, а тебя нет; ты – фантом. (Смеётся.)

МВ: Представьте, что Вы вновь за пультом на Юности: «Культовый радиоведущий Владимир Бажин выпустил новый альбом. Звучит песня...» Какую Вы выберете?

ВБ: Сразу не отвечу. Ведь «Фантом» написан очень хитро. Он рассчитан на совершенно разную аудиторию и состоит из трёх частей: а) первые 10 песен – это концептуальная история; б) это круто сделанные ДЕМО и в) это индастриел ремиксы. При этом и первая «часть» сама по себе разноплановая. «Раздётся» и

«Сех-Революшн» – «забойные блокбастеры». «Претензия» – хулиганский фанк. «Ветер» напоминает по духу творения OASIS. «Альпинист» и «Свет» лиричны и очень нравятся девушкам. «Акустика» – для снобов интеллектуалов. «Кто-то пришёл» – блюз для мужиков. «TV-блюз» – лирический панк. «Мега-Небо» – философское завершение концептуальной истории с элементами панкующего Хендрикса.

МВ: Кто работал с Вами на этот раз?

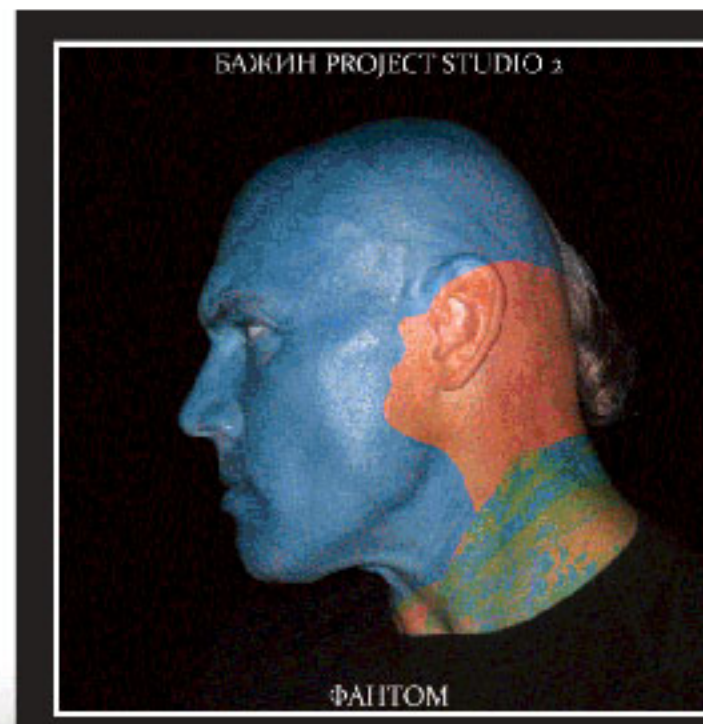
ВБ: Вячеслав Онищенко. Он мой коллега по работе и товарищ по творчеству, ему 25 лет. Талантливый парень, сыграл на всех нужных инструментах, аранжировал все песни, записал, свёл – замиксовал. Сам же я записал только 2 партии акустической гитары – в «Акустике» и «Кто-то пришёл», ну и, разумеется, спел все вокальные партии.

МВ: Поинтересовавшись мнениями по поводу лирики, я с удивлением обнаружил, что не все чувствуют её стёбность. Она же у Вас присутствует ещё со времён НЮАНСА всегда и везде. Удивляет, как можно не чувствовать гипертрофированность фраз типа «Раздётся! Дай посмотреть!», понимая всё буквально. Видимо, так воспринимают мир маньяки и этот альбом можно использовать как тест на извращённость.

ВБ: Конечно, всё это стёб чистой воды! И «Сех-Революшн», и, например, «Претензия» – всё это стебало! Я даже вижу клип на «Претензию». Сидит начальник, полный и нервный, с красной мордой. К нему заходят сотрудники, и он кидает им в лицо бумажки и орёт, брызгая слюной: «Претензия! Претензия!» Даже о серьёзных вещах не могу петь без стеба. (Смеётся.) Говорится вроде бы пражда, но с издёвочкой. Весь альбом такой! Та же «Сех-Революшн» в художественной обработке рассказывает историю, однажды случившуюся со мной. Однако одновременно со стёбностью в моей лирике нет ни одного «пустого» текста. Каждый из них о жизни и не выдуман. Считаю, что не надо ничего выдумывать – надо сесть и написать как есть. Меня, кстати, недавно упрекнули в том, что весь альбом про любовь. Так во всём мире все самые близкие, понятные и слушаемые песни – о любви!

МВ: Сколько времени проходит у Вас обычно от первого наброска до готовой композиции?

ВБ: По-разному, но обычно всё происходит легко. «Кто-то пришёл» я написал пару-тройку лет назад. Песню «Акустика» написал прямо на работе. Давно был в голове полуджазовый рифм. (Владимир достаёт гитару и начинает петь. – Авт.) Буквально за пару часов дописал композицию и текст полностью. Песню «Альпинист» писал дольше... пару дней. Песню, но не текст. (Смеётся.) Я поспорил с нашим звукорежиссёром, молодым гитаристом, который считал, что песни, а в особенности тексты, писать невероятно сложно. (Смеётся.) В ответ я сел и написал за 5 минут первый куплет. «Раздётся», «Сех-революшн», «Претензия» и «Кто-то пришёл» написаны четыре-пять лет назад. Остальное – недавно. Демо «КиберСамурай» и «МеталлАискатель» были написаны мной для нового альбома ТЯЖЁЛОГО ДНЯ. По моей задумке они должны были войти в рок-оперу «КиберСамурай И Его Металлоискатели». (Смеётся.) Может, я ещё и закончу её когда-нибудь. (Смеётся.) В «КиберСамурае» я простебал, кстати, и «Властелина Колец» и инопланетян.

МВ: Давно пора... А были ли у Вас побочные проекты?

ВБ: Сейчас точно вспомнить уже сложно. В первой половине 90-х я записал 5–6 песен для группы МГК. Это техно-попсовый проект и, насколько мне известно, только две мои композиции пошли на их альбом «Полёт на Юпитер», выпущенный в 95-м году. Остальные канули в Лету. Были и разовые дуэты с разными артистами, в основном неизвестными широкой публике. Вот вспомнил, как спел с Владом Топаловым, когда ему было лет 10–11. Песня называлась «Папа купил мне Мерседес». Я зашёл к товарищу на студию, а он как раз записывал какого-то мальчика. Мой товарищ спрашивает: «Чего не хватает в песне?» Я послушал и сказал: «Папы». Пришлось мне спеть Папу – брутальным, «чисто конкретным таким» голосом... (Смеётся.) И только в этом году мне напомнили эту историю и рассказали, что тот малыш и есть сам Влад Топалов. Я был очень удивлён. О, как бывает!

МВ: А следите ли Вы за состоянием современной металической сцены?

ВБ: Как можно за этим проследить? Групп – миллионы. Естественно, иногда слушаю то из новинок, что мне советуют или приносят по работе; приходится слушать много всякого...

МВ: Сейчас гораздо легче выпустить альбом, чем, например, 20 лет назад. Согласны ли Вы, что вследствие этого практически нет отсева, и на голову слушателя валится хлам, в котором он в итоге рискует утонуть. Не является ли регресс обратной стороной технического прогресса в медиа?

ВБ: На самом деле отчасти ты прав: издать альбом сейчас стало намного проще, чем раньше, в конце 80-х, но всё же надо заметить – не весь хлам издаётся. Другое дело, если тебе позволяют средства, ты можешь заплатить за тираж и всё-таки выпустить свой хлам – конгениальный продукт. (Смеётся.) Отсюда получаем море-океан продукции, в которой побеждает распиаренный товар. Мы живём в дуалистическом мире, и поэтому палка всегда о двух концах – прогресс/регресс.

МВ: Помогает ли опыт музыканта в нынешней ответственной деятельности? Насколько органично Вы чувствуете себя на посту Генерального продюсера радиостанции?

ВБ: Помогает. И опыт музыканта, и опыт человека, который на радио уже 18 лет.

И чувствую я себя в своей тарелке, поскольку то своей природе я лидер.

МВ: Согласны ли Вы, что музыкант остаётся музыкантом всю жизнь, в какой бы профессии он не реализовывался впоследствии?

ВБ: Согласен. Но возьмём шире. Художник остаётся художником всю жизнь. Чем бы он не занимался – творческий подход обеспечен.

МВ: Будучи рок-музыкантом с большим прошлым и одновременно продюсером поп-радиостанции, у кого вы видите больший потенциал развития в музыкальном

плане – у так называемой рок или поп-музыки?

ВБ: У обоих направлений наблюдается прогресс. Но в попе он больше. Всё-таки поп в целом более потребляемый продукт. И медийная поддержка у попа больше. Отсюда результат.

МВ: Сложно ли было перейти от по сути андерграунда к работе с кардинально противоположными стилями?

ВБ: Не сложно. Я очень разносторонний человек. Изучал и рок, и кантри, и джаз. Мне почти всё интересно. Вот, например, последний альбом – я его писал практически для себя, как в рок-лаборатории в 80-е. Самореализация. Сейчас такое время – быстрое. Сегодняшнюю новость завтра... никто не помнит.

МВ: А как поддерживаете отличную физическую форму, в которой находитесь?

ВБ: Я с детства занимаюсь спортом. Когда не выступали с концертами – занимался спортом. А во время гастролей – уже на сцене. (Смеётся.) Обычно занятия длятся два часа каждый день: бег, растяжка, подтягивание и отжимание. Люблю марш-броски с тяжёлым рюкзаком. Прихожу – еле ноги передвигаю – тренировка. Бассейн иногда посещаю, но не купаюсь... а плаваю изо всех сил. Не пью. А ещё я – когда-то был кандидатом в мастера спорта по самбо. (Смеётся.)

МВ: То есть мне повезло, что не задал провокационных вопросов?

ВБ: Тебе повезло, что не спросил меня о «Ваших творческих планах». (Смеётся.)

Окончание интервью совпало с презентацией диска, послужившего информационным поводом к прочитанной вами беседе. Не скрою, что на мероприятие я отправился с нескрываемым интересом и в клуб 16 тонн заходил, не зная чего и ждать от выступления, – ведь формата у того, что делает Бажин, фактически нет. А вышел с квадратными глазами и чувством, что такого концерта и такой дружественной обстановки я никогда ранее не видел и возможно не увижу. И теперь мне понятно, почему всю свою жизнь музыкант с такой лёгкостью реализовывал себя в совершенно, казалось бы, различной стилистике. То, что делает Владимир Бажин, – театр одного актёра, умеющего буквально движением руки приковать к себе внимание любой публики, а стилистические рамки пусть останутся для тех, кто боится жить.